

2. Пастушеня, А.Н. Психологическая сущность исправления осужденных / А.Н. Пастушеня // Информ. науч.-метод. бюл. ДИН МВД Респ. Беларусь. 2008. № 3.
3. Пенитенциарная криминология : учебник / Ю.М. Антонян [и др.]; под ред. Ю.М. Антоняна, Л.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань : Акад. ФСИН России, 2009.
4. Рабочая книга пенитенциарного психолога / Б.Г. Бовин [и др.] ; под ред. А.И. Мокрецова, В.П. Голубева, А.В. Шамиса. М. : ВНИИ МВД Рос. Федерации и ГУИН МВД Рос. Федерации, 1998.
5. Реформы ради совершенствования (по сообщению пресс-службы Президента Респ. Беларусь) // На страже. 2009. 3 июля. С. 2.
6. Стригалева, А. Все зависит от желания руководителя навести порядок / А. Стригалева // На страже. 2010. 5 февр.
7. Хомич, В.М. Отчет национального эксперта в области применения уголовных санкций / В.М. Хомич // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь ((Программа развития ООН (ПРООН)). Минск : Рэйплац, 2009.

М.М. Якубель, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ПСИХИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ У ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УСКОРЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Проанализированы действующие правовые нормы, регламентирующие порядок ускоренного производства, с позиции допустимости их применения в случае установления признаков психической болезни у субъекта, в отношении которого осуществляется названное производство. Рассмотрены положения закона, устанавливающие сокращенный срок дознания и предварительного следствия по делам, начатым в порядке ускоренного производства. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Одним из направлений оптимизации уголовно-процессуальных процедур на рубеже XX–XXI вв. стала их дифференциация. Эта тенденция нашла отражение в ряде законодательных новшеств, среди которых и закрепленные в гл. 47 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь положения, регламентирующие ускоренное производство. Вместе с тем до настоящего времени в кодексе отсутствуют нормы, определяющие порядок уголовного процесса в случае установления органом дознания признаков психического заболевания у лица, в отношении деяния которого начата реализация процессуальной деятельности в ускоренном порядке.

Проблемы, связанные с осуществлением указанного производства, уже рассматривались ранее в трудах отечественных ученых-процессуалистов: С.В. Борико, И.В. Данько, К.И. Дегтярева, Л.И. Кукреш, М.А. Шостака, В.В. Шпака и др., однако, несмотря на значимость проведенных исследований, отдельные вопросы участия в нем названной категории субъектов не получили существенной проработки, в силу чего требуют дополнительного анализа и осмысления.

Согласно требованиям УПК рассматриваемое производство может быть начато лишь по ограниченному кругу составов преступлений при соблюдении условий, предусмотренных ч. 1 ст. 452 УПК, одним из которых признается не отрицание подозреваемым лицом своей причастности к совершению преступления. В данном случае использованная законодателем терминология неконкретна. Так, понятие причастности в уголовно-процессуальном законе не содержится. В словарях этот термин определяется как «имеющий непосредственное отношение, касательство к чему-либо» [3, с. 623]. Как видно, приведенная трактовка обширна и не позволяет однозначно судить о характере причинно-следственных связей лица с преступным событием, которые бы свидетельствовали о наличии факта причастности. Еще более спорно значение термина «не отрицание», содержание которого также не нашло отражения в законодательстве. В общем смысле «отрицать» – значит «опровергать что-либо, не соглашаться с чем-либо» [3, с. 481]. При использовании приведенного значения для уяснения анализируемого понятия получается, что лицо не дает отрицательного ответа на вопрос о своей причастности к совершению преступления. Однако этот тезис позволяет отнести к его содержанию широкий спектр деяний, начиная от активного раскаяния участника уголовного процесса до его бездеятельного молчания. Принимая во внимание, что поведенческие акты психически больных (в том числе и «не отрицание») могут быть обусловлены болезненными состояниями различного характера (маниакально-депрессивным психозом в депрессивной фазе, дебильностью и др.), то очевидно, что они хотя по формальным поведенческим признакам и соответствуют требованиям УПК, но по своему содержа-

нию не отражают в полном объеме волю лица и не должны служить основанием для принятия процессуального решения.

Несмотря на то что к моменту начала ускоренного производства орган дознания не располагает достоверными данными о заболевании лица и может лишь предполагать его наличие, представляется, что на данном этапе рассмотренное условие нельзя считать соблюденным даже при возникновении у должностного лица органа дознания сомнений в психической полноценности заподозренного, которые в дальнейшем побудят его принять решение о назначении судебно-психиатрической экспертизы.

Однако выявление психического заболевания на начальных этапах процессуальной деятельности возможно, если его симптомы вполне очевидны либо имеется соответствующая медицинская документация, но существуют и латентно протекающие психопатологии, диагностика которых может произойти уже после начала осуществления положений ускоренного производства. В таком случае возникает вопрос о форме процессуальной деятельности: допустима ли дальнейшая реализация используемых положений применительно к деянию лица, в полноценности психики которого возникли сомнения.

Обнаружив признаки душевного нездоровья, орган дознания должен установить характер заболевания и степень его влияния на личность рассматриваемого субъекта путем проведения в отношении его судебно-психиатрической экспертизы. Представляется, что если в ходе исследования у лица не будет выявлено психическое заболевание либо будет выявлено заболевание, не влияющее на его вменяемость, то производство по делу может быть закончено в ускоренном порядке. Озабоченность в описанной ситуации вызывает лишь процессуальная возможность проведения названного экспертного исследования до возбуждения уголовного дела.

Находящиеся в нормативном единстве положения, закрепленные в ч. 2 ст. 173 и ч. 2 ст. 226 УПК, допускают проведение экспертиз до возбуждения уголовного дела при условии, что последние не связаны с применением к физическим лицам мер процессуального принуждения и выводы эксперта могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Представляется, что первое из условий будет соблюдено, если лицо добровольно согласится подвергнуться амбулаторному экспертному исследованию либо экспертиза будет назначена по документам (однако последний из указанных вариантов маловероятен, так как осуществление ускоренного производства предполагает, что лицо, причастное к совершению преступления, известно и доступно для проведения с его участием процессуальных действий). Применительно к исследуемой тематике в науке высказано мнение о том, что для обеспечения прав участников уголовного процесса на рассматриваемом этапе производства необходимо закрепить в законе положение, согласно которому проведение до возбуждения уголовного дела экспертиз, сопряженных с мерами процессуального принуждения в отношении живых лиц допустимо только с письменного согласия этих лиц [2, с. 14]. Однако применительно к умалишенным введение такого положения вряд ли оправдано.

Содержание второго условия предполагает, что от выводов эксперта зависит, будет ли принято решение о возбуждении уголовного дела. Для современного уровня развития процессуальной науки характерно суждение о том, что «в стадии возбуждения уголовного дела экспертизы проводятся с целью установления наличия или отсутствия признаков преступления. Проводить такие экспертизы при ускоренном производстве нет необходимости, так как на момент его начала факт преступления очевиден...» [4, с. 563–564]. С этим утверждением нельзя полностью согласиться, так как наряду с явным фактом противоправного деяния могут иметь место обстоятельства, исключаящие производство по делу, установление которых возможно в ходе экспертного исследования (например, сведения о недостижении лицом, совершившим общественно опасное деяние, возраста уголовной ответственности, полученные при проведении психолого-психиатрической экспертизы; данные о наличии у лица на момент совершения общественно опасного деяния психического заболевания, включенного в соответствии со ст. 28 УК Республики Беларусь в понятие «невменяемость»). При таких обстоятельствах сложно отрицать, что вывод эксперта имеет существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Установление у лица в ходе судебно-психиатрической экспертизы указанного выше заболевания не позволяет ему являться субъектом преступления, что влечет отсутствие в преступлении состава. А в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК уголовное дело не может быть возбуждено при отсутствии в деянии состава преступления. Следовательно вывод эксперта в описанной ситуации имеет «существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела», а потому назначение судебно-психиатрической экспертизы до возбуждения уголовного дела допустимо. Однако если придер-

живаться широко распространенного в науке мнения о том, что заключением судебно-психиатрической экспертизы не может быть установлена невменяемость лица, а оно должно рассматриваться в качестве одного из доказательств, на котором суд будет основывать свое решение о признании лица невменяемым, то заключение экспертизы не может являться основанием для отказа в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления, а следовательно не имеет принципиального значения для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Соответственно и судебно-психиатрическая экспертиза не может быть назначена до возбуждения уголовного дела. Приведенный анализ, основанный на действующих нормах уголовно-процессуального закона, как представляется, не позволяет пока однозначно говорить о возможности назначения судебно-психиатрической экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Для разрешения описанной правовой ситуации целесообразным видится использование положения, закрепленного п. 3 ч. 1 ст. 228 УПК, согласно которому обязательно назначение и проведение экспертизы, если необходимо установить психическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и интересы в уголовном процессе. Указав в данной норме конкретные процессуальные статусы лиц, полноценность психики которых необходимо установить, законодатель тем самым предполагает, что к моменту назначения судебно-психиатрической экспертизы участник уголовного процесса уже будет занимать одно из названных процессуальных положений, что, в свою очередь, возможно лишь после возбуждения уголовного дела (исключение составляет ситуация задержания лица по подозрению в совершении преступления, однако в этом случае, в соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК решение о возбуждении уголовного дела должно быть принято в течение 12 часов с момента фактического задержания. Здесь следует согласиться с мнением М.А. Шостака о том, что в такой сжатый срок проведение ускоренного производства почти невозможно [4, с. 564]). Таким образом, положения п. 3 ч. 1 ст. 228 УПК предопределяют необходимость возбуждения уголовного дела для получения юридической возможности назначения судебно-психиатрической экспертизы.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что в случае выявления у лица признаков психического заболевания в период реализации положений ускоренного производства до возбуждения уголовного дела орган дознания должен незамедлительно возбудить уголовное дело и назначить судебно-психиатрическую экспертизу. Одновременно должно быть принято решение о дальнейшем производстве дознания в общем порядке, поскольку решение о возбуждении уголовного дела принимается не из-за того, что собранные материалы достаточны для направления дела в суд, как того требует ч. 1 ст. 454 УПК, а в силу необходимости назначения судебно-психиатрической экспертизы. Кроме того, названная норма, содержащая перечень действий, реализуемых в рамках ускоренного производства после возбуждения уголовного дела, не допускает назначение и проведение каких бы то ни было экспертиз, в том числе и судебно-психиатрических. Если же признаки умственного нездоровья лица выявлены после возбуждения уголовного дела, то, как представляется, орган дознания немедленно должен прекратить осуществление положений ускоренного производства и проводить дальнейшее расследование по общим правилам (с учетом оговоренных в ст. 456, 457 УПК ограничений сроков расследования).

УПК не требует вынесения отдельного процессуального документа о начале ускоренного производства, следовательно и прекращение реализации положений последнего документально не фиксируется, а проявляется лишь во внутреннем убеждении должностного лица, ведущего предварительное расследование, осуществлять процессуальную деятельность в определенном порядке.

Применительно к рассматриваемой тематике отдельного обсуждения заслуживает и вопрос о сроках расследования. Так, в соответствии с положениями ст. 456 УПК орган дознания, начав ускоренное производство и в ходе осуществления последнего придя к выводу о невозможности его окончания в предусмотренном законом порядке, проводит дознание по общим правилам либо, руководствуясь нормами о подследственности, передает дело для производства предварительного следствия в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 457 УПК. При этом орган уголовного преследования оказывается существенно ограничен в сроках: в соответствии с ч. 2 ст. 456 УПК дознание должно быть закончено не позднее 20 суток со дня возбуждения уголовного дела, а согласно ч. 2 ст. 457 УПК предварительное следствие – не позднее чем в месячный срок. Такое положение, на наш взгляд, не оправдано, поскольку критерии допустимости доказательств, а следовательно и их достаточности, несколько отличаются при расследовании дела в ускоренном и обычном порядке. Очевидно что материалы, приемлемые для рассмотрения дела в суде в порядке ускоренного производства, уже не достаточны для та-

кого рассмотрения в обычном порядке. Следовательно доказательственное значение материалов, собранных в ходе ускоренного производства, снижается в случае принятия решения об осуществлении процессуальной деятельности в общем порядке (протоколы объяснений необходимо подкрепить протоколами допросов и др.) и преимущественная часть процесса доказывания, включая разрешение вопроса о наличии у лица психической патологии, производится уже после возбуждения уголовного дела.

В свете вышеизложенного видится, что произведенные органом дознания в рамках ускоренного производства процессуальные действия нельзя признать достаточным основанием для столь значительного ограничения срока расследования. Несколько суток ускоренного производства по материалу не могут заменить 10 суток дознания и тем более месяц полноценного предварительного следствия. Более того, если в ходе экспертизы будет установлено, что лицо к моменту принятия органом дознания решения о начале ускоренного производства уже страдало психическим заболеванием, есть основания полагать, что условие о «не отрицании» подозреваемым лицом своей причастности было ошибочно признано в качестве наступившего, следовательно, ускоренное производство начато необоснованно. Очевиден вопрос: почему ошибочно принятое органом дознания решение после его отмены влечет столь существенное сокращение сроков расследования и насколько это целесообразно с позиции равенства граждан и защиты прав участников уголовного процесса? Представляется, что такое положение существенно дискриминирует лицо, в отношении которого реализация процессуальной деятельности начата в ускоренном порядке, по отношению к другим психически больным, деяния которых изначально расследовались по общим правилам.

Необходимо отметить, что УПК содержит ряд процессуальных гарантий для названных участников процесса, которые тем значительнее, чем серьезнее влияние заболевания лица на его психику. В анализируемой ситуации представляется очевидным, что редукция уголовно-процессуальных процедур, выраженная в том числе и в сокращении сроков предварительного расследования, противоречит задачам уголовного процесса, одна из которых предусматривает не только быстрое, но и полное расследование преступлений и общественно опасных деяний невменяемых. Принимая во внимание справедливое суждение о том, что УПК не запрещает завершение предварительного расследования раньше установленного срока [1, с. 44], непонятна позиция законодателя, который без значимых к тому оснований существенно ограничивает этот срок, игнорируя тот факт, что «быстрота производства и оперативность деятельности органов предварительного расследования важны не сами, а лишь при условии, что они способны обеспечить успешную борьбу с преступностью при соблюдении законности в процессе расследования каждого противоправного деяния» [5, с. 215].

В силу вышеизложенного целесообразным видится прекращение действия правовых норм, содержащихся в ч. 2 ст. 456 и ч. 2 ст. 457 УПК в той мере, в которой они ограничивают сроки производства дознания и предварительного следствия по уголовным делам, ведущимся в отношении лиц, имеющих психические недостатки. Представляется, что реализация указанных предложений будет способствовать достижению задач уголовного процесса и совершенствованию юридических механизмов защиты личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства.

Библиографические ссылки

1. Дегтярев, К.И. Ускоренное производство: пути совершенствования / К.И. Дегтярев // Правовая система Беларуси: состояние, проблемы и перспективы развития : материалы III межвуз. студен. науч. конф., Гродно, 24 апр. 2003 г. / Гродно, 2003.
2. Саушкин, А.С. Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела / А.С. Саушкин // Рос. следователь. 2005. № 9.
3. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2006.
4. Шостак, М.А. Уголовный процесс : учеб. пособие / М.А. Шостак. Минск : ГИУСТ БГУ, 2008.
5. Шпак, В.В. Соотношение быстроты, процессуальной экономии и эффективности уголовного процесса / В.В. Шпак // Теоретические и прикладные проблемы уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2006 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2006.